

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ДОКТРИНЫ, ПРАКТИКИ
(ЧАСТЬ 2)**

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ
(Полоцкий государственный университет)*

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы, возникающие при определении юридической природы итоговых решений органов судебного конституционного контроля. Показаны формы и способы воздействия высших судебных инстанций на процесс совершенствования законодательства. Выясняется значение категории «правовые позиции конституционных судов» как явления юридической жизни. Дается обзор основным публикациям тех авторов, которые последовательно отстаивают тезис об отсутствии у судов правотворческих полномочий. Акты конституционного правосудия характеризуются на предмет их «встроенности» в действующей системе законодательства и системе источников права в целом. Делается вывод о том, что решение о юридической силе актов любого органа должно приниматься только законодателем на уровне конституции или закона.

Юридическая сила решений конституционных судов отнюдь не очевидна даже для высших должностных лиц в государстве, решающих проблемы конституционной законности. Так, по утверждению М.В. Баглая, занимавшего в 2002 году пост Председателя Конституционного Суда Российской Федерации (далее – РФ), «к числу источников конституционного права относятся постановления Конституционного Суда РФ, в которых устанавливается соответствие Конституции России конституций и уставов субъектов Федерации, законов и других нормативных актов, а кроме того разрешаются споры о компетенции. Хотя с формальной точки зрения Конституционный Суд не относится к числу правотворческих органов, акты которого по юридической силе стояли бы выше актов Парламента и Президента, но по существу он таковым является» [1, с. 27]. Такая двусмысленная формулировка вызвала неоднозначную реакцию в научных кругах. В связи с этим Е.В. Колесников [2, с. 47] замечает, что если здесь имеется в виду сопоставительный анализ решений с признанными неконституционными законами, договорами, подзаконными актами, то с приведенным суждением надо согласиться. Однако в общей системе источников права решения Конституционного Суда, исходя из основополагающих принципов народовластия, суверенитета, разделения властей, положенных в основу государственного строительства, и учитывая объективно существующие иерархические связи между разноуровневыми актами, не могут приравниваться к «потенциалу» парламентского закона, а тем более возвышаться над ним.

По мнению О.Е. Кутафина [3, с. 222], М.В. Баглай преувеличивает юридическую силу актов Конституционного Суда, ставя их выше актов Парламента и Президента. Это всего лишь свидетельствует о том, полагает автор, что Конституция по своей юридической силе стоит выше актов и Парламента, и Президента, и всех других государственных органов. Несколько саркастически учёный видит правоту Председателя Конституционного Суда РФ в том, что Конституционный Суд РФ, игнорируя свой официальный статус, всё чаще выступает в качестве правотворческого органа. По этому поводу О.Е. Кутафиным приводится пример, свидетельствующий о том, что Конституционный Суд своими постановлениями вносит изменения даже в действующую Конституцию [3, с. 223]. В частности, пункт 4 статьи 105 Конституции РФ устанавливает, что «Федеральный Закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации» [4]. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.03.1995 по делу о толковании пункта 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции РФ действительно говорится о совершенно ином «прочтении» Основного Закона: «Если Совет Федерации в течение четырнадцати дней не завершил рассмотрение принятого Государственной Думой федерального закона, подлежащего в соответствии со статьей 106 Конституции РФ обязательному рассмотрению в Совете Федерации, этот закон не считается одобренным, и его рассмотрение продолжается на следующем заседании Совета Федерации до вынесения решения о его одобрении либо отклонении» [5]. В этой связи уместно замечание Н.В. Витрука о том, что «Конституционный Суд должен быть крайне осторожен в попытках наполнения конституционных положений новым содержанием без изменения самого текста Конституции в силу изменения исторической обстановки, других конкретных обстоятельств, т.е. в силу целесообразности» [6, с. 319]. Толкование норм права, на взгляд О.Е. Кутафина [3, с. 223], даже в итоговых решениях Конституционного Суда должно служить цели правильного, точного и единообразного понимания и применения закона, выявления его су-

ти, которая заложена законодателем в словесную формулировку, и поэтому правотворчество и толкование следует рассматривать как различные процессы. В ходе толкования не создаётся право, а лишь выявляется, устанавливается государственная воля, выраженная в нормативном акте, поэтому важно проводить чёткую грань между разъяснением уже существующих норм и созданием новых правовых установлений. По мнению учёного, практика Конституционного Суда РФ, сводящаяся в процессе толкования Конституции РФ к фактическому внесению в неё изменений и дополнений, является неконституционной, а особая опасность подобного рода актов Конституционного Суда РФ состоит в том, что они окончательны, ни контролю, ни обжалованию не подлежат и вступают в силу немедленно после их опубликования.

Следовательно, есть смысл более внимательно ознакомиться с позициями тех учёных, которые полагают, что рассматривать итоговые решения конституционных судов как источник права представляется ошибочным подходом. Наиболее последовательно такую точку зрения отстаивал академик В.С. Нерсесянц. Неизменность его позиции состоит в категорическом отрицании самой идеи судебного правотворчества в России. Как несколько иронично замечает А.Н. Верещагин [7, с. 162], название его одной из наиболее обсуждаемых работ «У российских судов нет правотворческих полномочий» говорит само за себя и ставит автора в совершенно особое положение среди участников сборника (имеется в виду сборник «Судебная практика как источник права» 2000 г. [8] – А. П.), которые в той или иной степени эти полномочия за судами признают. То, что обычно считают судебным правотворчеством, В.С. Нерсесянц склонен трактовать лишь как правоприменительную или правотолковательную деятельность, и на вопрос о том, должен ли российский суд творить право, то есть одновременно законодательствовать и применять закон, учёный отвечает категорическим «нет». По его мнению, судебное правотворчество противоречит разделению властей, и решения Конституционного Суда не являются правотворчеством, поскольку они служат лишь основанием для отмены акта компетентным правотворческим органом. Из положения Конституции РФ (ч. 6 ст. 125), согласно которой акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, следует всего лишь то, считает автор, что «утрата силы соответствующим актом – это установление самой Конституции, ... а не Суда, который вправе лишь признать данный акт неконституционным» [8, с. 112]. Эта позиция имеет своих сторонников и противников в российской научной среде. Так, А.Т. Боннер [9, с. 122] полагает, что В.С. Нерсесянц совершенно справедливо проводит чёткую границу между правомерной, т.е. предусмотренной законом, свободой суда и судебским правотворчеством. Заслуживает внимания довод учёного о том, что при рассмотрении на предмет соответствия Конституции РФ других нормативных актов Конституционный Суд также не творит право, так как у Конституционного Суда нет полномочий отмены нормативных актов. Боннер А.Т. разделяет мнение и о том, что Конституционный Суд лишь уполномочен давать нормативным актам правовую оценку. Такая концепция не разделяется большинством российских учёных.

Например, А.Н. Верещагин [7, с. 163] не соглашается с тем, что судебное правотворчество противоречит разделению властей, и задаёт вопрос, как же в таком случае быть с правотворчеством органов исполнительной власти или указами главы государства? Оправданно ли такое нормотворчество или же оно наряду с судебным тоже должно быть отвергнуто? Если судебное правотворчество принципиально противоречит доктрине разделения властей, то почему оно допустимо в странах общего права? На эти и другие вопросы сам критик отвечает в том смысле, что «ведь даже в Великобритании, где приоритет Парламента в законодательной сфере формально неоспорим, трудно отрицать наличие правотворческого элемента в деятельности высших судебных инстанций» [7, с. 162]. Здесь, впрочем, сам оппонент не попадает в цель. Пример, что и говорить, неудачен. Во-первых, как раз-таки в Великобритании последовательно не реализован принцип разделения властей, и там вся полнота государственной власти сосредоточена именно в высшем представительном и законодательном органе. Во-вторых, нельзя упускать из виду и того, что Великобритания по сей день так и не «обзавелась» писаной Конституцией, вследствие чего её неопределённое материальное содержание и формально не обозначенное в количественном отношении число источников, составляющих неписаную английскую Конституцию, само по себе вызывает необходимость появления прецедентов, учитывающих многообразие общественной жизни и свободу человеческой инициативы. Пример США, где принцип разделения властей отражён в Конституции в самом что ни на есть классическом варианте, звучал бы более убедительно.

Куда интереснее полемика (правда, заочная) А.Н. Верещагина с В.С. Нерсесянцем по поводу того, что утрата неконституционным актом юридической силы – это не результат правотворческой деятельности Конституционного Суда, но установление самой Конституции. Подобное рассуждение, считает А.Н. Верещагин [7, с. 163], уязвимо минимум с двух точек зрения. Во-первых, указы Президента РФ также издаются в силу установления Конституции (ст. 90 Конституции РФ), но это, однако, не служит основанием для того, чтобы не признавать их значения как источника права. Во-вторых, многое зависит от того, как понимать сами термины «право» и «правотворчество», особенно когда деятельность Конституционного Суда именуют «негативным правотворчеством». Действительно, он не может создать новую норму, а лишь в состоянии отменить уже существующую. Поэтому если под правом понимать отдельную норму, то правотворческие полномочия Конституционного Суда кажутся сомнительными. Но если под правом понимать правовую систему как целое, то Конституционный Суд, безусловно, является одним из её творцов. От его решений зависит, какие нормы войдут в её состав, а какие – нет. Таким образом, А.Н. Вереща-

гиным делается вывод о том, что Конституционный Суд РФ вносит свой вклад в формирование права, и отрицать наличие у него правотворческих функций не приходится.

Свою точку зрения В.С. Нерсесянц последовательно проводит не только через науку, но и через авторские учебники, рекомендуемые Министерством общего и профессионального образования РФ для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Ввиду того, что мнение авторитетного учёного сильно расходится с подходами авторов других академических курсов, можно лишь предположить, какую сумятицу в мыслях испытывают будущие судьи (в том числе и Конституционного Суда), читающие столь разнополярную юридическую литературу. Несомненно, что разночтения, недосказанность, несостыкованность точек зрения различных учёных, взявшихся проводить свои научные воззрения через учебную литературу, обязательно станут уделом раздумий молодых людей, желающих впоследствии связать себя с судебной деятельностью. Именно им как будущим носителям государственной власти необходимо будет сводить проблемы соотношения реальности, теории и права к единому знаменателю.

Если исходить из того, что отражённая через учебник концепция В.С. Нерсесянца официально не только признана, но и рекомендована Российским государством в лице Министерства образования для всеобщего изучения студентами юридических факультетов, то есть смысл напомнить некоторые её принципиальные положения, а если учитывать серьёзность перспективы образования единого Союзного государства Беларуси и России и возможность создания единого образовательного стандарта, то мнение маститого учёного интересно и подавно. В авторском учебнике «Общая теория государства и права» (2001 г.) В.С. Нерсесянц указывает [10, с. 351], что судебная практика – не «источник права» (в смысле судебного правотворчества), а реальность действия, применения и защиты права, ссылаясь при этом на свою предыдущую работу «Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право» [11, с. 34]. Это важно, считает автор, как само по себе, так и для совершенствования и развития права. Судебная практика, не будучи самим правотворчеством, является одним из важнейших источников для правотворчества (именно с этим мнением мы полностью солидарны, о чём впоследствии будет сказано отдельно. – *А. П.*)

Далее учёный высказывает наиболее критикуемое другими исследователями суждение о том, что «ошибочно и ложно представление, будто всякая государственная власть (а следовательно и судебная власть) автоматически включает в себя право суда на осуществление правотворчества. Судебная власть – это власть в совершенно ином смысле и с качественно иными полномочиями, чем власть законодательная или исполнительная. Положение же о том, что любая ветвь государственной власти может создавать право, является лишь модификацией и распространением уже на три власти прежних (легистских, позитивистских, этатистских) представлений о том, что право – это продукт государства, приказ (обязательное, официально-принудительное установление) государственности» [10, с. 352]. Здесь уместно будет вспомнить о том, что признание за судами правотворческих полномочий противоречило бы развиваемой учёным теорией «различения и соотношения права и закона и концепции либертарно-юридического правопонимания» [12, с. 388], и поэтому В.С. Нерсесянц твёрдо убеждён, что «правозащитная, правоутверждающая и правонесущая роль Конституционного Суда в российской государственно-правовой системе связана прежде всего с надлежащей реализацией его функций и задач именно в области действия права, т.е. в правоприменительной сфере, и акты Конституционного Суда обязательны именно в правоприменительном качестве» [10, с. 352]. В итоге учёный приходит к выводу о том, что правосудию необходимо придать его исходный и исконный смысл справедливости, не зря же богиня Справедливости Фемиды изображена с Весами Правосудия. Она же, уверен автор, «не законы издаёт, а защищает правопорядок, по справедливости воздаёт каждому – своё, т.е. применяет право. Судейское же правотворчество – это опасный симбиоз судьи и законодателя в одном лице. Против подобных опасностей как раз и направлен принцип разделения властей в правовом государстве» [10, с. 353].

Высказывается В.С. Нерсесянц в духе идеологов буржуазных революций XVIII века Ш.-Л. Монтескье и Ч. Беккариа, живших, правда, в условиях феодального государства и права и по делу выступавших против откровенно царившего тогда произвола королевских судов. Но, может быть, пришло время взглянуть на проблемы судебной власти с высоты XXI века? По нашему мнению, выводы В.С. Нерсесянца не вполне обоснованы. В частности, нормативные акты, признанные неконституционными, утрачивают силу; решения судов и иных органов, основанные на этих актах, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены. Более того, акты конституционных судов действуют непосредственно и не требуют подтверждения со стороны других органов и должностных лиц. Таким образом, предположение В.С. Нерсесянца о том, что решения Конституционного Суда – это лишь основание для отмены акта уполномоченным органом, является неверным. На основании судебного решения нормативный акт автоматически утрачивает юридическую силу и не действует в системе законодательства РФ. В Беларуси ситуация иная [13, с. 185].

Не столько на основе теоретических постулатов, сколько на основе действующего законодательства сформулирована позиция В.З. Лукашевич и Н.А. Комаровой [14, с. 53], согласно которой нет никаких оснований относить к источникам права решения Конституционного Суда РФ. Это вытекает, по мнению авторов, из вполне конкретно заданного объёма компетенции указанного органа, определённого Конституцией РФ и Законом «О Конституционном Суде РФ». В этих нормативных актах нигде не предусмотрена возможность Конституционному Суду РФ создавать новые нормы права, и если признание этим судом неконституционности того или иного закона в целом или в какой-либо части требует созда-

ния новых норм, то, отмечают учёные, Конституция РФ предусматривает право этого суда войти с законодательной инициативой в соответствующие законодательные органы (ст. 104 Конституции РФ). В Федеральном конституционном Законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» 1994 года Суду предоставлено право законодательной инициативы по вопросам своего ведения. Следует признать обоснованность рассуждений В.З. Лукашевич и Н.А. Комаровой относительно того, что «если предоставлять Конституционному Суду право создавать новые правовые нормы, то это будет означать подмену законодательного порядка выработки и принятия новых законов, характеризующихся демократическим и публичным обсуждением в многочисленных инстанциях, принятием однократных решений Конституционного Суда. Нельзя забывать, что законодательный процесс строго регламентирован Конституцией» [15, с. 55]. Также учёные отмечают, что проекты законов обычно составляются специалистами, рассылаются в соответствующие ведомства, научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения для обсуждения и выработки предложений по совершенствованию проекта закона. Кроме того, многие проекты законов публикуются в газетах и специальных научных журналах для сведения граждан, включая практических и теоретических работников соответствующих отраслей. Ничего этого нет при наделении Конституционного Суда правом создавать новые правовые нормы. Поэтому такое право ему не может быть предоставлено и в будущем. В общем В.З. Лукашевич и Н.А. Комарова твёрдо убеждены в том, что Конституционный Суд не может и не должен подменять законодателя.

Схожих взглядов придерживается А.С. Михлин, который сам по себе факт учреждения Конституционного Суда относит «к важнейшим достижениям российской демократии» [16, с. 83]. Он отмечает, что компетенция Конституционного Суда, с одной стороны, достаточно широка, а с другой – ограничена чёткими рамками, определёнными статьёй 3 Закона «О Конституционном Суде РФ». Анализируя компетенцию Конституционного Суда, учёный обращает особое внимание на положение статьи 6 данного Закона об обязательности решений Конституционного Суда для всех государственных органов, должностных лиц и граждан РФ. Именно в этом, по мнению автора, и заключается определённое сходство решений Конституционного Суда с законами, которые также обязательны для всех на территории РФ. Но тут же А.С. Михлин уточняет свою позицию: «по-видимому, это обстоятельство и привело некоторых авторов к выводу, что решения Конституционного Суда являются нормами права. Но с такой точкой зрения согласиться нельзя» [16, с. 83]. Компетенция Конституционного Суда, по его мнению, распространяется на толкование законов, а не на принятие самих законов или иных нормативных актов, и статье 125 Конституции РФ Конституционный Суд не уполномочен на издание каких бы то ни было нормативных правовых актов: «Конституционный Суд – не единственный орган в России, акты которого являются обязательными, но по своей правовой природе они не относятся к законам или иным нормативным актам. Это касается и Пленума Верховного Суда России, чьи разъяснения никто нормативными актами не считает» [17, с. 83]. С таким подходом трудно согласиться по многим причинам. *Во-первых*, нельзя отождествлять термины «обязательность» и «общеобязательность». *Во-вторых*, никто не высказывается в том смысле, что по своей правовой природе акты Конституционного Суда относятся к законам. Итоговым решениям Конституционного Суда, действительно, может быть придана юридическая сила закона (например, в Германии), но это не то же самое, когда оценивается правовая природа акта. *В-третьих*, акты Конституционного Суда вовсе и не должны относиться к каким-либо «иным нормативным актам». Они настолько самостоятельны и специфичны, что вполне достойны на выделение через самостоятельную разновидность нормативно-правового акта. К тому же решениям Конституционного Суда РФ по отдельным категориям дел (например, касающихся споров о компетенции) следует придавать прецедентное значение, а не качество нормативно-правового акта. *В-четвёртых*, как раз-таки разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует считать нормативными актами хотя бы в силу того, что в статье 56 Закона РФ о судостроительстве говорится, что «руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение». Как пишет по этому поводу В.Н. Бибило, «о нормативности постановлений свидетельствует тот факт, что в них Пленум не ограничивается указанием на ошибки судов, а конкретизирует поведение суда в рамках норм права. При этом неизбежно происходит детализация самих норм, в результате которой создаются специальные нормы, являющиеся правоположениями. Они имеют несколько иную внешнюю форму выражения, чем правовые нормы, содержащиеся в законе, однако в структурном отношении обладают теми же элементами: гипотезой, диспозицией и санкцией» [18, с. 45]. *В-пятых*, утверждение о том, что «разъяснения Пленума Верховного Суда никто нормативными актами не считает», и вовсе не соответствует действительности. Достаточно ознакомиться с точкой зрения таких авторитетных авторов, как Е.Б. Абросимова [19], В.В. Лазарев [20], К.Н. Дмитриевцев [21], М.Г. Кириченко [22], В.М. Савицкий [23], Л.В. Смирнов [24], М.Н. Марченко [25], Т.Н. Нешатаева [26] и др. Большинство учёных и практиков признается, что руководящие разъяснения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда всегда кладутся в основу решений конкретных юридических споров всеми нижестоящими судебными органами.

Не подлежит сомнению, что вопрос об отнесении к числу источников права судебных решений является очень актуальным для современной науки и практики. Много разногласий возникает из-за того, что учёные не могут определиться, к какому типу источника права следует относить постановления Пле-

нумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда: нормативному акту либо судебному прецеденту? Поэтому прав, в частности, О.Е. Кутафин, когда говорит о том, что «РФ не знает такого источника права, как судебный прецедент», но вряд ли можно согласиться с его утверждением относительно того, что «деятельность Верховного Суда РФ вполне укладывается в рамки Конституции РФ, предоставившей Верховному Суду РФ право давать разъяснения по вопросам судебной практики, не обладающие общеобязательной нормативной силой» [3, с. 221].

По нашему мнению, постановления пленумов высших судебных инстанций есть не что иное, как специфическая разновидность нормативно-правового акта, но уж никак не разновидность судебного прецедента. Именно здесь заложен один из «камней преткновения», не позволяющий многим правоведам понять друг друга. Нельзя не признать тот факт, что даже в советской действительности судебная практика, выраженная в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР, всегда признавалась источником права или, как замечает по этому поводу заместитель Верховного Суда РФ В.М. Жуйков, «не будучи признанной официально, она тем не менее фактически всегда учитывалась нижестоящими судами в качестве ориентира в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нём, применения аналогии закона или аналогии права» [8, с. 82].

Среди современных российских авторов достаточно скептиков относительно того, насколько законопроектное правосудие судебной власти. Чаще всего указывают на такие качества Постановлений Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, как их произвольный и во многом немотивированный характер. Например, С.В. Бошно разделяет позицию тех граждан (заинтересованных лиц), которые сравнивают акты судебной власти с законами и подзаконными актами: «Многоступенчатость правотворческого процесса должна гарантировать легитимность принятого документа, тогда как акты судебной власти не подлежат внешнему контролю. Именно поэтому они не могут и не должны содержать новых правовых норм. К тому же органы, осуществляющие судебную власть, взяли на себя обязанность законодательной власти» [27, с. 23]. В конечном счёте учёный (к тому же и специалист-эксперт Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ) приходит к выводу о том, что поскольку судебные органы в РФ не наделены правотворческими полномочиями, относить их акты к нормативным безосновательно, и роль этих документов должна ограничиваться толкованием законодательства, рекомендациями относительно понимания его смысла и применения на практике. Такой подход, как было сказано, нами не разделяется.

Что касается актов Конституционного Суда РФ, то позиция О.Е. Кутафина непреклонна: «с точки зрения Конституции РФ и других нормативных актов, регулирующих его деятельность, Суд в процессе своей деятельности не может создавать правовых норм. Он призван лишь толковать действующие нормы Конституции РФ, определять конституционность законов, нормативных актов Президента, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства и т.д.» [3, с. 222]. Оппонируя М.В. Баглаю, полагающему, что акты Конституционного Суда по своей юридической силе стоят выше актов Парламента и Президента [1, с. 27], О.Е. Кутафин высказывается в том смысле, что было бы удивительно, если бы сложности, с которыми сопряжены внесения поправок к Конституции РФ или её пересмотр в соответствии с главой 9, можно было бы преодолеть простым решением Конституционного Суда, если бы в процессе толкования Основного Закона он пользовался правом её дополнения, развития отдельных положений и т.д. Нельзя допустить, отмечает учёный, чтобы «Конституционный Суд, признавая неконституционной какую-либо норму закона, заменял бы её собственной, сформулированной им нормой» [3, с. 222]. Отсюда и следует вывод о том, что акты Конституционного Суда, которые не могут создавать правовых норм, не могут рассматриваться в качестве источников конституционного права.

Вопрос о решениях Конституционного Суда как источнике права, а равно и многих других актов подобного рода, может быть рассмотрен и в ином, довольно неожиданном ракурсе. Учёный, в частности, акцентирует внимание на том факте [3, с. 145], что право в российской литературе чаще всего определяется как система норм, установленных либо санкционированных государством, и отсюда следует, что источниками права могут выступать только правовые акты, имеющие нормативный характер. Все прочие правовые акты имеют индивидуальное значение и, следовательно, источниками права не являются.

Однако, продолжает О.Е. Кутафин, среди этих актов достаточно много таких, которые не создают правовых норм, но играют важную регулирующую роль (к числу этих актов учёный как раз и относит решения Конституционного Суда). Поэтому, «видимо, было бы правильно рассматривать источники права и в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле таким источником являются все правовые акты, а в узком (или собственном) – только те правовые акты, которые содержат правовые нормы. При таком подходе в число источников права в широком смысле слова, несомненно, входят и судебные решения, включая постановления Конституционного Суда (курсив наш. – А. П.)» [28, с. 146].

Таким образом, по мнению О.Е. Кутафина, право не следует сводить исключительно к нормам, это может быть просто правовой акт индивидуального характера. С такой аргументацией вполне можно согласиться, если не отождествлять понятие права и правовой нормы. Однако будем придерживаться подхода, согласно которому под источником права понимают формы выражения и закрепления правовых норм.

Некоторые исследователи, положительно оценивающие влияние практики конституционных судов на правотворческий процесс и на правоприменительную деятельность, даже за итоговыми решениями конституционных судов отрицают характер источников права. Так, Н.А. Горелко [29, с. 29], изучая

влияние практики Конституционного Суда РФ на формирование трудового права, не ставит под сомнение, что Конституционный Суд, решая вопросы о конституционности правовых норм, регулирующих трудовые отношения, оказывает довольно существенное воздействие на правоприменительную практику. Далее учёный перечисляет источники трудового права РФ, куда относит Конституцию РФ, законы, подзаконные нормативные акты (указы Президента, постановления Правительства и др.), но в отношении постановлений (определений) Конституционного Суда РФ указывает, «что они не являются источниками права» [29, с. 29], ссылаясь при этом на учебное издание К.Н. Гусова и В.Н. Толкуновой «Трудовое право России. Москва. 2001 г.» В научном отношении позиция Н.А. Горелко является очень неустойчивой. Дело в том, что К.Н. Гусов и В.Н. Толкунов не включают постановления Конституционного Суда РФ именно в систему источников трудового права, не настаивая при этом, что такого рода акты вообще не могут рассматриваться в качестве источников права, в частности – конституционного. В то же время Н.А. Горелко отраслевую специфику переносит на всю систему права, огулом отрицая за итоговыми решениями Конституционного Суда РФ значение источника права, с чем трудно согласиться.

Неопределенность «сквозит» и в позиции видного российского конституционалиста В.О. Лучина, который вначале пишет о том, что «решения Конституционного Суда РФ имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как нормативные акты, и такое же общеобязательное значение. Юридическая сила постановлений Суда по ряду параметров может быть сопоставима с силой закона, поскольку они, лишая неконституционный нормативный правовой акт юридической силы, вносят изменения в систему законодательства», а затем делает оговорку, что «данное утверждение *не означает признания решений Конституционного Суда РФ в качестве источников права* (курсив наш. – А. П.)» [30, с. 602]. Учёный приходит к выводу, что Конституционный Суд лишь «в известном смысле и в известных пределах творит право», поскольку, устанавливая смысл конституционных норм, примененных им при рассмотрении конкретного дела, он тем самым всего лишь указывает законодательному или иному правотворческому органу направление правотворческой деятельности.

Столкнувшись с очевидной спецификой актов Конституционного Суда, многие учёные даже для себя не могут со всей определённостью решить, следует ли итоговые решения Конституционного Суда относить к уже имеющимся и признанным в доктрине отечественного права и действующем законодательстве источникам, либо данная категория образует самостоятельную разновидность правового акта. Например, А.В. Малько [31, с. 12] в зависимости от природы (содержания) все акты-документы подразделяет на следующие виды: 1) *нормативные акты* (документы правотворческих органов, содержащие юридические нормы, рассчитанные, как правило, на длительное применение и распространяющиеся на неопределённый круг лиц, например Конституция, законы, подзаконные акты); 2) *правоприменительные акты* (документы компетентных структур, содержащие индивидуальные властные предписания, применяющиеся однократно и адресованные конкретным лицам); 3) *интерпретационные акты* (документы, полученные в результате официального толкования, содержащие правоположения, разъяснения смысла юридических норм, например, постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Совета РФ, Пленума Арбитражного Суда РФ); 4) *акты договорного права и иные акты реализации прав и обязанностей* (как договорные, так и индивидуально-правовые соглашения).

С такой классификацией можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, согласно логике автора, интерпретационные акты есть акты ненормативные. Действительно, между актом, которым устанавливаются правовые нормы, и актом, содержащим разъяснение уже существующих правовых норм, существует принципиальное отличие в содержательном плане. Но ведь *нормы-установления* и *нормы-разъяснения* вполне могут быть выражены через единую для них форму нормативного акта! Невозможно отрицать нормативный характер и тех постановлений Конституционного Суда, в которых на основании статьи 125 Основного Закона РФ и статьи 6 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» даётся толкование конституционных норм. Такое предположение входит в очевидное противоречие с действующим законодательством. С другой стороны, если А.В. Малько и не отрицает нормативности такого рода постановлений Конституционного Суда РФ, то теория и практика романо-германской правовой семьи никогда не признавала интерпретационные акты самостоятельным видом источника права. Во-вторых, вовсе непонятно, куда автор относит основную разновидность итоговых решений Конституционного Суда РФ – постановления о признании нормативного акта неконституционным. В приведенном перечне нормативных актов постановления Конституционного Суда РФ, как видим, не указываются, как, впрочем, и среди правоприменительных актов, отнесённых ко второй группе. Получается, таким образом, что эти постановления вовсе не попадают под категорию акта-документа, но такое допущение звучит нелепо. Скорее всего, как отмечалось ранее, недосказанность самого российского законодательства в отношении места и роли актов Конституционного Суда неизбежно будет приводить к различного рода теоретическим изысканиям, сформировавшимся на основе полярных доктринальных подходов и предположений. Но ясности в нормотворчестве и правоприменении от этого не прибавит. Поэтому можно согласиться с мнением российского учёного В.А. Сивичского о том, что «отсутствие единой научно обоснованной системы взаимосвязанных между собой нормативных правовых актов, громоздкость законодательства, дублирование одним нормативным актом другого, противоречия и пробелы правового регулирования давно стали характерными чертами отечественного законодательства. И сейчас в нём порядка отнюдь не прибавилось» [32, с. 59]. Но говоря о необходимости по-

настоящему комплексной систематизации российского законодательства, автор по интересующей нас проблеме высказывается довольно туманно: «неоднозначно в иерархии конституционно-правовых актов место постановлений Конституционного Суда о толковании Конституции, которые не могут быть со стопроцентной уверенностью отнесены к нормативным правовым актам, но в силу общеобязательности содержащегося в них толкования должны включаться в инкорпорированный материал» [32, с. 65]. Создание «идеальной схемы» будущей системы конституционно-правовых актов учёный видит через установление перечня таких актов (действующих или предлагаемых к принятию) с «расшифровкой» предмета регулирования каждого из этих актов. Однако, как и А.В. Малько, В.А. Сивицкий не включает в предлагаемую схему постановления Конституционного Суда, принятые этим органом в порядке осуществления нормоконтроля: Конституция РФ – постановление Конституционного Суда о толковании Конституции – международный договор – федеральный конституционный закон – федеральный закон – договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ – указ Президента – акт палаты Федерального Собрания – акт Правительства РФ – ведомственный акт.

В отношении определения юридической силы акта толкования Конституции следует признать верной позицию В.А. Сивицкого [32, с. 66] в том смысле, что если толкование представляет собой установление содержания нормативных актов, направленное на раскрытие выраженной в них воли законодателя, то в связи с этим постановления Конституционного Суда РФ о толковании Конституции должны давать только «развёртку её содержания и значения», и подобное толкование является как бы продолжением соответствующей нормы Конституции и не может обладать отдельной от неё юридической силой. Поэтому и располагать акты толкования Конституции следует непосредственно вслед за толкуемой нормой, а оценка наличия в решении Конституционного Суда, как и в любом другом правовом акте, конституционно-правовых норм во многом основана на традициях подхода к содержанию этой отрасли права, на, условно говоря, личном представлении учёного о ее предмете.

Заключение. Всё многообразие изложенных подходов говорит о том, что с точки зрения законодательства, доктрины и практики отсутствует единое понимание юридической природы итоговых решений конституционных судов. Как можно убедиться, данная проблема свойственна не только для Беларуси, но и для многих зарубежных государств. Основные причины разночтений видятся в следующем: *во-первых*, многое зависит от того, каковы сфера конституционной юрисдикции и объем компетенционных полномочий конституционных судов; *во-вторых*, решение вопроса связано с тем, насколько четко законодатель определил природу и статус актов конституционной юрисдикции на нормативном уровне; *в-третьих*, правовой статус и юридическая сила этих актов находятся в прямой зависимости от авторитета и значимости судебной власти в государстве.

Решения конституционных судов с разных позиций и по отличающимся друг от друга критериям как варианты правовых оценок могут быть определены через: 1) разновидность нормативного правового акта; 2) судебный прецедент; 3) акты толкования, не создающие правовых норм; 4) правоприменительные акты; 5) акты преюдициального значения; 6) акты оценки норм права с позиций конституционности; 7) самостоятельный, особый вид источника права; 8) акт, имеющий отношение лишь к конституционной отрасли; 9) представляющие собой комбинацию из указанных юридических свойств.

Все сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения вопросов, связанных с деятельностью органов конституционного правосудия и совершенствованием правовой системы государства.

Окончание. Начало статьи в журнале «Вестник Полоцкого государственного университета». Серия D. Экономические и юридические науки. 2011. № 13. С. 101 – 110.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. / М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 2000. – 776 с.
2. Колесников, Е.В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права / Е.В. Колесников // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 32 – 53.
3. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
4. Конституция Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 1993. – 64 с.
5. О толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23 марта 1995 г. № 13 // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. – 1995. – № 2 – 3. – С. 3 – 6.
6. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие / Н.В. Витрук // Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 383 с.
7. Верещагин, А.Н. Широкий спектр мнений / А.Н. Верещагин // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 161 – 164. – Рецензия на сб. «Судебная практика как источник права» / кол. авт. – М.: Юристъ, 2000. – 160 с.
8. Судебная практика как источник права: сб. ст. / Б.Н. Топорнин [и др.]. – М.: Юристъ, 2000. – 160 с.

9. Боннер, А.Т. [Критика] / А.Т. Боннер, И.А. Ястржембский // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 120 – 123. – Крит. на кн.: Судебная практика как источник права / кол. авт. – М.: Юристъ, 2000. – 160 с.
10. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2001. – 552 с.
11. Нерсесянц, В.С. Суд не законодательствует, не управляет, а применяет право / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. – М., 1997.
12. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2000.
13. Пугачев, А.Н. Судебный конституционный контроль: учеб.-метод. компл. для магистрантов юрид. спец. / А.Н. Пугачев. – Новополюк: ПГУ, 2009. – 388 с.
14. Керимов, Д.А. Конституционный надзор в СССР / Д.А. Керимов, А.И. Экимов // Советское государство и право. – 1990. – № 9. – С. 12 – 13.
15. Лукашевич, В.З. Конституционный Суд Российской Федерации не может и не должен подменять законодателя / В.З. Лукашевич, Н.А. Комарова // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 53 – 63.
16. Михлин, А.С. Конституционный Суд: правовая природа решений и контроль за их исполнением / А.С. Михлин // Право и политика. – 2002. – № 1. – С. 83 – 86.
17. Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. проф. М.С. Саликов. – М.: НОРМА, 2003. – 416 с.
18. Бибило, В.Н. Роль Пленума Верховного суда Республики Беларусь в совершенствовании судебной практики / В.Н. Бибило // Судовы веснік. – 1998. – № 3. – С. 43 – 45.
19. Абросимова, Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы / Е.Б. Абросимова. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2002. – 160 с.
20. Безина, А. Конкретизация права в судебной практике / А. Безина, В. Лазарев // Сов. юстиция. – 1968. – № 2. – С. 6 – 12.
21. Дмитриевцев, К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / К.Н. Дмитриевцев; Нижегородская высш. шк. – Нижний Новгород, 1994. – 26 с.
22. Кириченко, М.Г. Конституционные основы судебной системы в СССР / М.Г. Кириченко. – М.: Наука, 1984. – 194 с.
23. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский [и др.]; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
24. Смирнов, Л.В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права / Л.В. Смирнов // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 50 – 54.
25. Марченко, М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2000. – № 12. – С. 11 – 21.
26. Нешатаев, Т.Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине / Т.Н. Нешатаев // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2000. – № 5. – С. 106 – 111.
27. Бошно, С.В. Судебная практика: способы выражения / С.В. Бошно // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 19 – 29.
28. Кутафин, О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О.Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2002. – 348 с.
29. Горелко, Н.А. Влияние практики Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на формирование источников трудового права Российской Федерации и правоприменительную деятельность / Н.А. Горелко // Российский судья. – 2001. – № 12. – С. 29 – 30.
30. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
31. Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 5 – 13.
32. Сивицкий, В.А. Некоторые теоретические проблемы систематизации конституционного законодательства Российской Федерации / В.А. Сивицкий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 2. – С. 59 – 70.

Поступила 12.09.2011

LEGAL NATURE OF TOTAL DECISIONS IN CONSTITUTIONAL COURTS: DEBATABLE QUESTIONS OF LEGISLATION, DOCTRINE, PRACTICE

A. PUGACHEV

The pressing questions arising at definition of the legal nature of final decisions of bodies of the judicial constitutional control are considered. Forms and ways of influence of the maximum judicial instances on process of perfection of the legislation are shown. Value of a category «legal positions of the constitutional courts» as the phenomena of a legal life is found out. The review to the basic publications of those authors which consistently defend the thesis about absence at courts law-making powers is given. The conclusion that the decision on a validity of certificates of anybody should strike root only the legislator at a level of the constitution or the law is done.